

I

По мнению моего отца, мужчина должен знать, за что он готов умереть. *Если не знаешь, то чего ты стоишь? Грош тебе цена. Ты вообще не мужик.* Мне тогда было тринадцать, а он на три четверти уговорил бутылку скотча “Гордонз”, и все-таки поболтали мы славно. Насколько я помню, он готов был отдать жизнь: а) за Ирландию; б) за свою десять лет как преставившуюся мать и в) за то, чтоб проучить эту суку Мэгги Тэтчер.

Как бы там ни было, с того дня я мог одним духом сказать, за что готов умереть. Поначалу было просто: за свою семью, девушку, дом. Потом все до поры усложнилось. В последнее время моя жизнь устаканилась, и мне это нравится; пожалуй, я даже вправе этим гордиться. Я готов умереть (в произвольном порядке) за свой город, свою работу и своего ребенка.

Ребенок пока ведет себя неплохо, город — Дублин, а работаю я в отделе операций под прикрытием, и что из этого меня погубит, может показаться очевидным, однако работа давно не подкидывала мне ничего страшнее сраной писанины. Страна у нас маленькая, а значит, коротка и карьера агента: две, от силы четыре операции — и риск, что тебя раскроют, слишком возрастает. Свои девять жизней я давным-давно потратил. Нынче я ушел со сцены и операциями только руковожу.

В Прикрытиях — как в полевой работе, так и за кадром — главная опасность в том, что, живя в созданной иллюзии слишком долго, начинаешь думать, будто у тебя все под контролем. Легко вообразить себя эдаким гипнотизером, мастером миражей,

ловкачом, который владеет тайнами ремесла и умеет отличить реальность от морока. На деле же ты обыкновенный простак с отвисшей челюстью. Как ни крути, мир всегда тебя обыграет — он хитрее, быстрее и куда более жесток. Остается только держать лицо, знать свои слабости и постоянно ждать удара исподтишка.

Второй раз жизнь нанесла мне такой удар в пятницу в начале декабря. Днем я латал очередной мираж — один из моих парней (не видать ему в рождественском чулке подарков от дяди Фрэнка) влип в историю и в силу мудреных причин должен был предъявить паре барыг какую-нибудь пожилую даму в качестве своей бабули, — а вечером поехал к бывшей жене в Далки*, чтобы забрать ребенка на выходные. Оливия и Холли живут в наманкиюренном пригороде, в изысканном до умопомрачения таунхаусе. Дом нам с Оливией подарил на свадьбу ее отец. Когда мы туда вселились, на доме вместо номера красовалось название. От названия я быстро избавился, однако уже тогда надо было сообразить, что брак наш долго не протянет. Узнай мои родители, что я женюсь, ма влезла бы по уши в долги, купила бы нам мягкую мебель в цветочек и настрого запретила снимать пластиковые чехлы с подушек.

Оливия заняла оборону аккурат посреди дверного проема — на случай, если я вздумаю войти.

— Холли почти собралась, — сказала она.

Положа руку на сердце, с гордостью и сожалением говорю: Оливия — сногшибательная красотка, высокая, с узким точеным лицом, копной мягких пепельных волос и сдержанными формами, которые, стоит их разглядеть, застыт весь белый свет. В тот вечер она надела дорогое черное платье, тонкие колготки и бабушкино бриллиантовое кольцо, приберегаемое для особых случаев, — сам папа римский утер бы взмокший лоб пилеолусом. По части благовоспитанности до понтифика мне далеко, и я восхищенно присвистнул:

— Важное свидание?

* Богатый прибрежный пригород Дублина. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

- Мы идем на ужин.
- “Мы” — значит, опять с Дерьми?

Оливия слишком умна, ее так просто из себя не вывести:

- Его зовут Дермот, и да, с ним.
- А ведь он четвертую неделю тебя выгуливает, верно? — впечатлился я. — Скажи-ка, уж не готовится ли нынче Главный Вечер?

Оливия повернулась к лестнице:

- Холли! Твой отец приехал!

Улучив момент, я протиснулся мимо нее в прихожую, и на меня повеяло “Шанель № 5” — этими духами она пользовалась, сколько я ее знаю.

— Папочка! — донеслось сверху. — Иду-иду-иду! Я только... — И Холли что-то увлеченно залопотала, нимало не заботясь, слышно ее или нет.

- Не спеши, солнышко! — крикнул я по пути в кухню.

Оливия следовала за мной.

- Дермот с минуты на минуту будет здесь.

Я не понял, угрожает она или оправдывается.

— Не нравится мне морда этого парня. У него нет подбородка. Никогда не доверял мужикам без подбородка.

Я распахнул дверцу холодильника и заглянул внутрь.

— Что ж, к счастью, твой вкус на мужчин никого тут не волнует.

— Если у вас все серьезно, он будет постоянно отираться рядом с Холли. Напомни, как его фамилия?

Однажды, когда дело у нас уже шло к разводу, Оливия шарахнула дверцей холодильника мне по голове. Видно было, что сейчас ее так и тянуло повторить. Я продолжал стоять, нагнувшись, чтобы ей было сподручней, но она сдержалась:

- Зачем тебе?

— Пробью его по базе. — Я достал пакет апельсинового сока и взболтал: — Что это за хрень? Когда ты перестала покупать нормальные продукты?

Оливия поджала чуть подкрашенные губы:

- Фрэнк, не смей пробивать Дермота ни по какой базе.

— У меня нет выбора, — бодро сказал я. — Надо ведь убедиться, что он не педофил!

— Господи, Фрэнк! Он не...

— Может, и нет, — признал я. — *Вероятно*, нет. Но, Лив, наверняка-то ты не знаешь. Лучше проверить, чем потом жалеть.

Я открыл сок и сделал большой глоток.

— Холли! — повысила голос Оливия. — Поторопись!

— Я не могу найти лошадку! — Сверху послышался топот.

— Они вечно подкатывают к матерям-одиночкам с милыми детишками, — сказал я. — И удивительно то, что у большинства из них нет подбородка. Никогда не замечала?

— Нет, Фрэнк, не замечала. И я не хочу, чтобы ты пользовался служебным положением, чтобы запугивать...

— Присмотрись, когда по телику очередного педа покажут: всегда белый фургон и никакого подбородка, гарантирую. Что за тачку водит Дерьми?

— *Холли!*

Я отхлебнул еще сока, вытер горлышко рукавом и сунул пакет обратно в холодильник:

— На вкус как кошачья моча. Если я алименты увеличу, сможешь на приличный сок раскошелиться?

— Будто тебе это по карману, — с нежным холодком сказала Оливия и глянула на часы. — Если утроишь, может, и хватит на пакет в неделю.

Если долго дергать кошку за хвост, она выпустит коготки.

Нас спасла пулей выскочившая из своей комнаты Холли.

— Папа-папа-папа! — что было мочи вопила она.

Я подошел к подножию лестницы как раз вовремя: Холли вертящейся петардой скатилась в мои объятия в облаке спутанных золотистых волос и розовых искр, обвила меня ногами и стукнула по спине школьным рюкзаком и выдавшей лучшие деньки пушистой пони по имени Клара.

— Здорово, мармозетка, — сказал я, чмокнув дочь в макушку. Холли была легкой, как фея. — Как неделя прошла?

— Дел по горло, и я тебе не мармозетка, — сурово сказала она, держась со мной нос к носу. — А что такое мармозетка?